

Пролог

*Остров Олерон,
двор Алиеноры Аквитанской, 1179 год*

— Где госпожа Алиенора?

Принц вышел из коридора, ведущего к его покоям, и обратился к одной из девушек, коих было множество при дворе его матери. Ей было не больше двенадцати лет, однако во взгляде, характерном для всех воспитанниц «двора любви», уже читалось нечто среднее между детской застенчивостью и женским кокетством. Ричард спрашивал себя, упражнялись ли они в умении так смотреть перед венецианскими зеркалами, которые Алиенора Аквитанская всегда дарила своим любимицам. Этот взор вполне мог быть притворным, но Ричард ощутил на себе его воздействие, к тому же девушка имела необычайные глаза — такого чистого голубого цвета, что казалось, это летнее небо Аквитании отражается в глубоком горном озере. А ее каштановые волосы, которые струились по узким, хрупким плечам... Лицо было еще по-детски округлым, однако четко выраженные скулы и высокий лоб указывали на то, что перед Ричардом стоит будущая красавица.

— Она в розарии, сударь, — ответила девушка звонким, певучим голосом. — Я могу отвести вас к ней.

Ричард улыбнулся.

— Я не могу представить себе более красивую проводницу, — любезно ответил он и не устоял перед желанием подразнить девчушку: — Однако, возможно, есть рыцарь, которого я сейчас задел за живое? У такой красавицы, как вы, наверняка поклонников не счесть.

Девушка покраснела и смущенно улыбнулась:

— Я еще слишком юна для поклонников, сударь...

Принц удивленно поднял брови:

— Некоторые принцессы выходили замуж и в более раннем возрасте. Однако я рад, что вы даете мне надежду. Вы ведь примете мое предложение, когда настанет время?

Девушка немного растерялась, и ее лоб разрезала поперечная морщинка. Но она сразу поняла, что эти льстивые слова были шуткой, и согласилась. Несомненно, этому ее тоже обучали при дворе.

— Само собой разумеется, мой принц, если только вы будете меня ждать.

Малышка сделала реверанс. Ричард снова улыбнулся.

— Значит, решено, — сказал он. — Однако вы должны будете подарить мне сыновей...

— Столько же, сколько звезд на небе, — абсолютно серьезно заверила его девушка, но затем подмигнула ему. — Не следует ли нам скрепить наш союз поцелуем?

Девчушка была обворожительной. Ричард наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Как же вас зовут, моя будущая супруга? — спросил он ее, все еще улыбаясь.

— Ричард! — Алиенора Аквитанская поднималась по лестнице. — Куда ты запропастился? Я ждала тебя. Необходимо принять важные решения, а ты кокетничаешь с девушками! А эта и вообще совсем еще дитя! — Она повернулась к малышке: — Разве ты не должна быть на занятиях, Герлин из Фалькенберга? Немедленно отправляйся на урок!

Улыбка Алиеноры смягчила резкие слова. Королева любила своих воспитанниц, особенно красивых и смышленных, которые в будущем обещали стать такими же искусными политиками, как и она.

Несмотря на слова королевы, девушка сделала реверанс сначала перед своей приемной матерью, затем перед Ричардом Плантагенетом и только после этого убежала в женские покои, а именно в комнату, окна которой выходили в сад. Юная Герлин не могла наглядеться на красавца принца.

Так вот что значит быть влюбленной!

ПОЦЕЛУЙ ВЕСНЫ

*Крепость Фалькенберг, Верхний Пфальц — Лауэнштайн,
Верхняя Франкония, март — сентябрь 1192 года*

ГЛАВА 1

Герлин из рода Фалькенбергов внимательно рассматривала свое лицо в зеркале тихой реки, которая извивалась вокруг владений ее отца по живописной местности. Своим видом она осталась не слишком довольна. Небрежно заплетенные косы и простое льняное платье — так выглядит служанка, и госпожа Алиенора выругала бы ее за такой внешний вид. Но, с другой стороны, двор Аквитании находился достаточно далеко, и Герлин не собиралась на праздник.

Сначала Герлин заглянула в кухню, где дала повару разрешение взять окорок из кладовой, а затем наблюдала за прачками. Ключи от всех хозяйственных помещений звенели у нее на поясе — это, по мнению госпожи Алиеноры, также было ниже ее достоинства. Но английская королева на острове Олерон была не хозяйкой в доме, а скорее узницей своего супруга. И ее больше занимало не хозяйство, а стремление связать судьбы своих сыновей с большой политикой.

Герлин же, напротив, вполне устраивало ее положение в Фалькенберге. Когда после смерти матери ее отправили обратно в Верхний Пфальц — тогда ей было восемнадцать, и считалось, что ее придворное образование завершено, — ей пришлось вначале справляться с неповиновением некоторых министериалов¹ и прислуги. Изабелла из Фалькенберга долгое время тяжело болела, и слуги были предоставлены сами себе. И то, что теперь управление хозяйством взяла в свои руки дочь владельца замка, многим не

¹ Министериалы — в средневековой Европе представители мелкого рыцарства, состоявшие на службе у короля или феодала. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

нравилось. Но Герлин даже получала удовольствие, применяя на деле все то, чему она научилась при дворе Алиеноры Аквитанской. Она пустила в ход все свое очарование, чтобы добиться расположения поваров и ключников, завоевала уважение придворного священника благодаря умению читать и писать и покорила конюха знаниями о лошадях и соколиной охоте. Герлин могла поставить на место служанок, когда те сплетничали, вместо того чтобы работать, стала присматривать за кухней и кладовыми и заставила своих младших братьев брать уроки у учителей и оружейных мастеров, чего обоим своенравным юношам удавалось до этого времени избегать.

Перегрин из Фалькенберга был более чем доволен своей красивой и умной дочерью, а его рыцари и советники, возражавшие против того, чтобы его дочь воспитывалась при дворе — не только самом известном, но и пользующемся дурной славой во всей Европе, — уже давно умолкли. Для владельца замка было честью отдать свою дочь на воспитание Алиеноре, он всегда ценил изысканные манеры. Изабелла, его покойная жена, сама была родом из Аквитании. Она была подругой детства Алиеноры, но затем ее отец впал в немилость к королю Генриху, и Изабелле пришлось выйти замуж за человека из менее знатного рода. Разумеется, она никогда не давала Перегрину почувствовать, что он ей не ровня, а руководила его небольшим поместьем так естественно, умело и с таким обаянием, словно все это происходило во дворе кайзера. С английской королевой Изабелла поддерживала переписку до самой смерти, и для нее стало большой радостью то, что госпожа Алиенора взяла ее дочь воспитываться при дворе.

Герлин подарила своему отражению улыбку, ту обворожительную улыбку, которой она слишком редко пользовалась последнее время. Да и на ком она могла испытывать искусство куртуазности? Рыцари ее отца были слишком стары, за исключением оружейного мастера братьев, который был единственным подходящим по возрасту для роли рыцаря сердца. Но он ни во что не ставил придворные манеры, был грубияном и к тому же рыцарем без земли, который вряд ли когда-либо смог бы обзавестись собственным поместьем.

Конечно же, время от времени объявлялись сваты — в основном пожилые рыцари, которые рассчитывали связать своих сыновей с крепостью Фалькенберг. До этого момента Перегрин из Фалькенберга отвергал всех без исключения, чаще всего не давая претендентам возможности хотя бы взглянуть на Герлин.

— Ты слишком хороша для этих ничтожных чудаков с их крошечными владениями! — объяснил он Герлин, когда однажды она в шутку спросила у него, собирается ли он вообще выдавать ее замуж. — Зачем тебе изнурять себя работой, словно усердная прислуга, пока твой супруг будет пьянствовать и распутничать? Нет, дочка, ты была воспитана как принцесса, принцессой и будешь. Или, по меньшей мере, графиней или княгиней, которая будет заправлять большим имением. Я не допущу, чтобы ты сама стирала свое белье!

И хорошо, что Герлин не стала ему напоминать, что в Фалькенберге она именно этим и занималась — по крайней мере, за всем присматривала. Перегрин из Фалькенберга и так постоянно корил себя за то, что не смог обеспечить своей прекрасной и благородной Изабелле те условия, к которым она привыкла. Но теперь его дочь должна была получить лучшее. Герлин этому не противилась. Однако же ей нравилось в Фалькенберге, да и до сих пор ни один из возможных супругов не заставил ее сердце биться чаще.

При дворе госпожи Алиеноры она восторгалась одним из бравых рыцарей — принцем Ричардом. Но о большой любви, о той всеобъемлющей страсти, которая связывала Гвиневу и Ланселота или Тристана и Изольду, она знала только из песен и поэм. Герлин была готова ждать, хотя иногда ее тревожило то, что время бежит неумолимо. В этом году ей исполнится уже двадцать четыре. Следовало поторопиться с замужеством.

Но сначала ей нужно было немного принарядиться, иначе она может напугать своего рыцаря, случись ей встретить его сейчас! Ее отец сегодня ждал гостей из Франции, среди которых был и лекарь-иудей, находившийся на службе у Орнемюнде из Лауэнштайна. Это знакомство Герлин совсем не удивляло. Во время болезни жены Перегрин пытался связаться с врачами из самых отдаленных уголков империи. Он отправил посыльных даже в далекую Саламанку и обратился бы и к лекарям-сарацинам и маврам из Аль-Андалуса, которые якобы были самыми знающими. Так далеко он все же не добрался — к тому времени в Святой земле снова бушевала война.

Поэтому отцу Герлин пришлось ограничиться консультациями иудейских лекарей, когда Изабелле понадобилась помощь, которую не могли оказать христианские цирюльники. Это пошатнуло его репутацию среди рыцарей, однако дало возможность ему и образованной Изабелле вести переписку с умнейшими людьми по всему миру. Иногда отвлечение, которое приносил обмен письмами